

тельно неправомерности перенесения на Танаис тех черт общественной и культурной жизни, которые известны нам на Боспоре вообще (столь же неправомерно и обратное перенесение автора, ср. стр. 126). Чрезвычайно важны открывающие широкую перспективу для дальнейшего изучения местных причерноморских культур неоднократно проводимые аналогии между вещественными памятниками Танаиса и материалами из других районов нашего Юга, прежде всего из Нижнего Поволжья и Прикубанья (стр. 49, 56, 58, 61, 65, 67, 82, 88).

В связи с характеристикой Недвиговского городища следует сделать одно замечание. Т. Н. Книпович рассматривает Танаис в основном как «громадный склад товаров», торговый пункт, «эмпорий по преимуществу» (стр. 28, 90, 108). Вместе с тем вопросы танаидского производства, ремесленного и сельскохозяйственного, отступают совершенно на задний план. Причины этого понятны: они заложены уже в отзывах древних авторов о Танаисе как «варварском эмпории». Однако такой взгляд кажется нам несколько односторонним. Уже а priori можно предполагать, что Танаис, экономическое и культурное значение которого должно было быть очень велико для всего нижнего Придонья, не мог оставаться только передаточным пунктом, а был и крупным, (разумеется, в местных масштабах) производственным центром. Такой вывод напрашивается уже из сравнения Недвиговского городища с другими городищами низовьев Дона, обзор которых Т. Н. Книпович дает в приложении (стр. 128—149). Самый материал Недвиговского городища позволяет судить о развитии в городе некоторых производств: открытие Хицуновым гончарных печей заставляет автора предположить возможность производства амфор в Танаисе (стр. 29—30). Т. Н. Книпович утверждает, что вся лепная посуда и подавляющая часть лощеной безусловно производились на месте (стр. 77 сл.), местное же производство можно подозревать и для определенных категорий украшений (стр. 44—45, 88), ювелирных изделий (стр. 65) и т. д. Таким образом, даже имеющийся крайне фрагментарный материал позволяет высказать некоторые соображения о развитии производства в Танаисе. Дальнейшие исследования городища, несомненно, значительно расширят наши знания в этой области.

Оценивая рецензируемую работу в целом, можно сказать, что она подводит итог всему тому, что было сделано за почти столетний период изучения Танаиса. Она представляет собой полную сводку всего известного нам танаидского материала и в то же время является наивысшим достижением в истолковании этого материала. Дальнейшее расширение наших представлений об этом уголке Северного Причерноморья возможно только на пути возобновления археологических исследований танаидского городища и некрополя и накопления новых источников.

Д. Б. Шелов

А. РАHOVИЧ. Восточные провинции Римской империи в I—III вв.
М.—Л., 1949, 262 стр., цена 18 руб.

Изучение римских провинций эпохи империи составляет одну из насущных задач в исследовании древнего мира. Это изучение должно вестись силами различных специалистов, так как и в римское время в отдельных областях в большой мере сказывается влияние старинного культурного наследия: общественные отношения, язык, литература, право, религия, искусство — все это хранит отпечаток своеобразной жизни и порядков того времени, когда римские легионы еще не появлялись на Востоке, а местному населению не приходилось обращаться с восхвалениями или мольбами к римскому императору как к «посланному небом спасителю или благому богу». Далекое прошлое восточных провинций интересно не только само по себе, как сложный результат предшествующего исторического развития, но и потому, что изучение его дает возможность во многом понять ход последующего процесса и специфические отличия, присущие Востоку по сравнению с Западом.

В историографии нового времени мы находим несколько работ, посвященных характеристике римских провинций, и в частности восточных, не говоря об общих трудах по истории империи. Самой ранней из них является работа выдающегося русского ученого С. В. Ешевского, вышедшая в 1866 г., «Центр римского мира и его провинция»¹. В ней, как и в других лучших работах Ешевского, сказываются черты, характерные для главных представителей русской науки: широта научных интересов, глубина понимания, прекрасное знание конкретного материала. Не учитывая всего значения изучения экономических явлений — для этого не имелось еще тогда достаточных предпосылок в смысле наличия необходимых специальных исследований, — Ешевский, однако, понимал своеобразие общественно-экономической и политической структуры римского мира, понимал, что «все свободные государства древнего мира строились в свои разнообразные государственные формы на крепком фундаменте рабства»².

Он считал, что установление империи, «тяжелого гнета деспотизма» для италиков, было для провинций «зарей освобождения», что провинции оказались «самой надежной опорой императорской власти». Поэтому естественно то внимание, которое он им уделяет, и столь же естественно то, что только после обзора состояния провинций он переходит к характеристике «центра» империи.³

В 1885 г. вышел V том «Римской истории» Моммзена, содержащий обзор римских провинций от Цезаря до Диоклетиана. Давая полный для своего времени очерк всех римских провинций, Моммзен касался преимущественно их административного устройства, жизни городов, политической обстановки. Вопросы культурного развития, экономические и социальные отношения были им только затронуты.

Среди работ последнего времени в буржуазной историографии имеются труды преимущественно справочного характера⁴. Попытки же дать обобщение приводили к модернизации и искажению исторической действительности⁵.

Джонс, поставив перед собою широкую задачу выяснить структуру греческого города и наметить основные моменты в его развитии за период более чем 800 лет, вследствие неправильности исторического метода приходит к ошибочным выводам. Несмотря на широкие хронологические рамки, автор не показывает процесса экономического развития, нередко не соблюдает исторической последовательности, рассматривает греческие полисы Востока большей частью вне связи с остальной территорией (ἡώρα).

Книга А. Б. Рановича «Восточные провинции Римской империи в I—III вв.» является первым трудом в советской исторической литературе, специально посвященным исследованию состояния восточных провинций, и имеет совершенно иной характер. Научные интересы покойного ученого отличались исключительной широтой, знания его были необычайно разнообразны и охватывали все три раздела истории древнего мира, в особенности же древний Восток (Палестина, Финикия и др.), историю эллинистических стран и эпоху Римской империи. Прекрасно учитывая все великое по-новому освещающих вопросы этой истории, дав ряд оригинальных работ, чуждался истории идеологии, но и в этой области проявил себя крупным исследователем⁶. Одним словом, автор рецензируемого труда был наилучшим образом подготовлен к изучению восточных провинций, мог глубоко заглянуть в их прошлое, с ост-

¹ В. П. Бузескул, Всеобщая история и ее представители в России в 19 и начале 20 века, ч. 1, 1929, стр. 79 и Н. А. Машкин, История древнего Рима, 1947, стр. 36—37.

² С. В. Ешевский, Соч., т. I, стр. 127 (Подчеркнуто мною. — К. З.).

³ А. Н. М. Jones, The cities of the eastern Roman Empire, обширная серия Т. Франк, An economic survey of ancient Rome.

⁴ М. Rostovtzeff, The social and economic history of the Roman Empire, другая книга Jones, Greek cities from Alexander to Justinian, 1940.

⁵ См. Очерки истории древнееврейской религии, М., 1937; Очерк истории раннехристианской церкви, М., 1941 и др.

рой критикой подойти к построениям буржуазных историков. Поэтому понятен тот интерес, который возбуждает у читателя этот труд.

Сравнительно обширное введение посвящено характеристике сущности империи. Что представлял собою принципат, как он возник, что служило опорой императорской власти, какова была политика императоров и к какому положению она привела провинции, что совершила империя, и, наконец, в чем выразилось и что означало ее падение, — таковы проблемы великого исторического значения, рассмотренные во введении. Указав на бессилие буржуазной историографии разрешить успешно вопросы как возникновения, так и падения империи, А. Б. Ранович следующим образом определяет значение империи в историческом развитии древнего мира.

Смена республики принципатом характеризуется как политический переворот: она означала установление военной диктатуры, хотя Август и стремился придать обманчивые черты легальности своей власти. Эта власть возникла и укрепилась в результате глубокого общественного кризиса, вызванного состоянием рабовладельческого общества, грозной опасностью восстания рабов и ростом общественных противоречий. Образование провинций приводило к новым затруднениям.

Империя явилась последним этапом в развитии рабовладельческого общества. Эллинистический Восток под влиянием Рима получил новый толчок в экономическом отношении. Характернейшей чертой дальнейшего процесса общественно-политического развития является тенденция к нивелированию, ко всеобщему уравниванию, к уничтожению старых перегородок путем насильственного изменения старинных порядков и учреждений. В значительной мере этому содействовало римское право и беспощадная налоговая политика, выкачивавшая из населения все, что возможно было выкачать. Тенденция к нивелированию с течением времени приводит к закреплению всех слоев общества, к росту бюрократического аппарата и усилению гнета. Углубление классовых противоречий, обнищание масс неминуемо должны были вызвать дальнейшее усиление кризиса и привести к падению империи.

Глубокой причиной этой грандиозной общественной и политической катастрофы было разложение рабовладельческого способа производства. В недрах рабовладельческого общества намечаются уже новые способы эксплуатации трудящихся, возникают новые социальные отношения (колонат).

Классовая борьба принимает различные формы. Растет число и увеличивается размах социальных движений. Восстания кононов и рабов смыкаются с натиском варваров. Падение империи означало переход к более прогрессивным формам производственных отношений.

В последующих главах автор дает характеристику отдельных провинций. Материал источников распределяется, как известно, между ними очень неравномерно, масштабы территорий, численность населения, экономическое и культурное значение их очень различны, а потому естественно, что и главы, посвященные той или иной провинции, не одинаковы по размеру и характеру. Наиболее подробно говорится об Азии, Сирии, Египте, несколько менее о Греции и значительно меньше, ввиду скудости источников, касается основных вопросов жизни провинции и дальнейших изменений в ее положении по истории образования данной провинции и дальнейших изменений в ее положении и территории, говорит об ее природных богатствах, густоте и численности населения, его этническом составе, о римской политике по отношению к данной области, о состоянии городов, о земельных отношениях, ремесле, торговле, рабовладении, социальном строе, администрации, податном обложении. Обращено внимание и на явления протеста против римского господства, на культурное состояние, на роль данной провинции в истории идеологии.

Небольшое заключение (стр. 251 сл.) подводит итог этому обзору, цель которого заключалась в том, чтобы наметить особенности развития отдельных провинций, но вместе с тем и проследить, как в этих конкретных исторических формах проявляются общие закономерности. В этой заключительной главе автор останавливается на глав-

ных итогах истории восточных провинций, в особенности на вопросе о том, как шел процесс уравнивания населения империи в отношении социального строя и идеологии. В связи с последним выясняется развитие религиозных верований, распространение форм греческой образованности и пр. Уже в первые два века империи обозначились различные перспективы в развитии Востока и Запада. Восточные провинции сравнительно мало были задеты кризисом III в. Разделение империи на Западную и Восточную было подготовлено всем ходом исторического процесса.

Небольшой по объему, но в высокой мере содержательный труд проф. А. Б. Рановича — заметное явление в советской исторической литературе. В нем в доступной форме дана яркая характеристика богатого и культурного римского Востока, поставлены значительные исторические проблемы, показан путь к их решению.

Книга заключает большой и свежий материал. С этим материалом, чрезвычайно разнообразным и разбросанным, с данными, нередко относящимися к отдельным, единичным, казалось бы, явлениям, автор знакомит в ясном изложении, объединенном основными руководящими идеями, не загроможденном ненужными деталями.

Эти черты изложения помогают читателю за вестрыми картинами жизни отдельных провинций уловить те общие исторические закономерности, о которых говорится во введении и заключении. Источники, привлеченные автором, чрезвычайно многообразны. Страбон, Плиний, Тацит, Аммиан Марцеллин, Иосиф Флавий, Дион Хризостом, Светоний, Плутарх, Павсаний и многие другие авторы, многочисленные надписи, включая новейшие эпиграфические находки, папирусы, не исключая самых сложных и трудных, вроде хозяйственной книги из Гермуполиса, сочинения юристов, памятники законодательства, данные археологических открытий, — последние, правда, в небольшой мере, — все это использовано автором не только с прекрасным знанием дела, но и самостоятельно, нередко на основе собственных исследований того или иного документа. Большую ценность, например, представляют страницы, посвященные такому первоклассному историческому памятнику, как «Гномон идиолога» (стр. 172—4), из которого автор извлекает интересные данные для характеристики социальных отношений в римском Египте и социальной политики Рима. Так же самостоятельно и обоснованно дан разбор (стр. 178 сл.) знаменитого эдикта Каракааллы и контроверзы, связанной с порчей текста эдикта в папирусе (P. Giss, 40, строка 7 сл.).

Нередко даны переводы исторически значительных надписей, содержание которых интерпретируется в тексте (например, стр. 228 сл. — указ Адриана об экспорте оливкового масла, стр. 248 сл. — петиция от скаптопаренов императору Гордиану, надписи из Лидии (стр. 58) и Фригии (стр. 60) и др.).

В книге можно найти много любопытных замечаний о древних авторах (ср., например, замечания о письмах Плиния и особенно острую характеристику социального лица Диона Хризостома, стр. 81 сл.).

Несомненно положительной чертой является и стремление автора охватить различные стороны жизни римских провинций. Главное внимание уделяется — и вполне правильно — социально-экономическому строю отдельных провинций, но часто так обстоятельно, насколько позволяет состояние источников, характеризуются административное устройство, строительство и быт, идеологическое развитие. Автор прекрасно показывает конкретное значение установления римского господства для различных общественных слоев населения провинций, выясняет социальный базис власти богатых провинциалов, о которой сообщают столь многочисленные памятники.

При характеристике экономической жизни той или иной провинции автор уделяет большое внимание вопросу о рабовладении, о роли рабов в производстве. Ему приходится при этом преодолевать немалые трудности: данные очень отрывочны и скудны. Сведения этого рода даны для Азии (стр. 64), Вифинии (стр. 81), Каппадокии (стр. 122), Египта (стр. 204 сл.), для императорских имений в Галатии (стр. 114 сл.). Думается, что стоило бы собрать соответствующий материал и для Сирии. В общем, книга хорошо ориентирует читателя в сложной проблеме истории восточных провинций в императорскую эпоху, а постоянное подчеркивание некоторых основных тенденций исторического

развития как бы скрепляет общим цементом многообразные конкретные данные, из которых складывается все обширное целое.

Но, разумеется, в изучении столь обширного вопроса встречается много и неясного, спорного, и попытка автора нарисовать, притом в таком сравнительно сжатом изложении, состояние и ход развития огромного мира римского Востока не может в некоторых случаях не вызвать сомнений или возражений. Эти возражения, скажем заранее, отнюдь не меняют того общего благоприятного суждения о труде А. Б. Рановича, которое было высказано выше, — их цель — содействовать более полной и правильной постановке проблемы в целом. «Восточные провинции римской империи в I—III вв.» изданы уже после смерти автора, который, возможно, при окончательной обработке книги внес бы в нее ряд изменений и дополнений.

Прежде всего, нам кажется, состояние данной провинции едва ли можно понять должным образом, если не учитывать обстоятельств ее образования, условий того исторического момента, когда некогда самостоятельные земли превращались в *praedia populī Romani*. Да и в дальнейшем существовании провинции перемены в ней нельзя отрывать от общей жизни Римской империи и от ее политической эволюции. Иначе говоря, экономическую и социальную историю данной провинции нельзя рассматривать изолированно от истории всего целого и, в частности, в отрыве от политической истории. Автор, повидимому, чувствовал необходимость такого рассмотрения, так как в некоторых случаях сообщает сведения о присоединении провинции. Это сделано, например, относительно Азии (стр. 35 сл.), Понта и Вифинии, Ликии и Памфилии, Киликии, отчасти Греции, хотя и в очень беглой форме. Но в главах, посвященных другим провинциям, — Галатии, Каппадокии, Сирии, Египту, Киренаике и Криту, Фракии, — этот вопрос вовсе не затрагивается. Между тем именно по отношению к таким областям, как Сирия или Египет, это было бы очень желательным сделать, так как история образования провинции многое объясняет в последующем ее положении и развитии. Но если даже оставить в стороне вопрос об обстановке, в которой происходило присоединение, и иметь в виду только период после присоединения, то и в данном случае явления этого периода важно было бы рассматривать, учитывая изменение политического положения и самой провинции и всей империи. Автор искусно группирует известия, относящиеся к жизни данной провинции, но сравнительно редко отмечает изменения, происходившие в течение императорской эпохи. Поэтому изложение имеет систематический характер, но провинции рассматриваются больше со статической точки зрения, чем в аспекте динамики исторического процесса. «История провинции Каппадокии, — замечает автор (стр. 118), — тесно связана с историей взаимоотношений Рима с Арменией и Парфией», но об этих взаимоотношениях говорится недостаточно.

В связи с этим получается, что читатель знакомится с обстоятельной характеристикой положения отдельной провинции, с особенностями ее экономического и социального строя, но эти характеристики даны изолированно, история отдельной провинции представляется не связанной с историей остальных и с историей всей империи, хотя сам автор полагает, что мировая империя имела своим назначением включить в общий оборот все ресурсы провинций — материальные и духовные: в этом ее историческая роль (стр. 165). Да нередко и факты, которые он приводит, побуждают поставить этот вопрос. Иудейское восстание в Египте и Киренаике в 115 г. отразилось и на Кипре и в Месопотамии. Перед нами явление, в какой-то мере общее нескольким восточным провинциям, и с этой точки зрения его должно было бы осветить, не вырывая из общего исторического контекста. Автор лишь отмечает (стр. 132), что в III в. в Сирии создалось «в сущности независимое от Рима восточное государство». Но роль Пальмиры при Оденате и связи ее с Египтом, политические и экономические, и ранее и при Вабаллате заслуживали бы более глубокого изучения. Автор указывает на то немалое место, которое Египет занимал в политической жизни империи, но эти указания слишком беглы, чтобы это могло изменить общий характер изложения (см. стр. 175).

И указывал, что в книге А. Б. Рановича использованы многие известия о рабовладении. Однако и их автор рассматривает лишь в рамках отдельной главы, посвященной данной провинции, без общего вывода по этому вопросу для восточных провинций в

целом. Это тем более стоило сделать, что в литературе были высказаны определенные суждения на этот счет: в известной работе Вестерманн¹ о рабстве в Римской империи мы встречаемся с утверждением, что в теории отношение к рабам в греческих и восточных областях восточной части Средиземного моря отличалось большею мягкостью по сравнению с прежним суровым римским законодательством о рабах (право раба на личную собственность, представление о том, что какое-нибудь лицо является наполовину свободным, наполовину рабом).

Вопрос о подкидышах (*ἄρρητοί*), подобранных кем-либо и обращенных в рабство, имел значение не только для Вифинии (автор ссылается на письмо Плиния Младшего, — X, 65, — который пишет об этом вопросе, относящемся ко всей провинции), но и для других провинций (например, Египта, Ахайи и др.). Важно было бы также остановиться на случаях массового обращения в рабство на Востоке: подавление восстаний в Иудее, по свидетельству Иосифа Флавия, сопровождалось обращением в рабство 97 тыс. чел., то же произошло во Фракии с племенем бессов в 11 г. н. э. и др. (В а л л о н, ук. соч., стр. 588). В некоторых случаях желательно было бы строже различать данные более раннего и позднего времени. Это важно делать, говоря о литургиях в Египте (стр. 201 сл.) или рассматривая сложную проблему денежного обращения (стр. 207).

Общая концепция автора стройна, последовательна и рисуется очень ясно. В каждой главе автор еще и еще раз возвращается к мыслям, в общей форме изложенным во введении. Эта особенность придает единство изложению. Можно быть уверенным, что основные мысли автора дойдут до читателя, не окажутся затерянными в массе разнообразных конкретных фактов. Однако эти повторения, иногда почти в одних и тех же выражениях, содействуют впечатлению большого однообразия в истории отдельных провинций. Отправляясь от известной характеристики Энгельса, автор постоянно говорит о нивелирующей силе империи, об ее беспощадном налоговом прессе, чудовищном бюрократическом аппарате, о праве, суде и военной силе Рима. Однако следует учитывать, нам кажется, что блестящая характеристика Энгельса относится в значительной мере к поздней империи или, вернее, к тем результатам длительного исторического процесса, которые обнаружались во всей полноте в поздней империи.

Энгельс указывал, что «римское государство... с о в р е м е н е м (подчеркнуто здесь и ниже мною. — К. З.) сделалось ее (массы) злейшим врагом и угнетателем»². Говоря о том, что это государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных, Энгельс упоминает о резиденциях правителей — Константинополе, Трире и Милане, т. е., следовательно, опять-таки имеет в виду позднюю империю. «Ч е м б о л ь ш е империя приходила в упадок, тем выше становились налоги и повинности... Всеобщее обнищание, сокращение торговых сношений, упадок ремесла, искусства, уменьшение населения, упадок городов, возврат земледелия к более низкому уровню — таков был к о н е ч н ы й результат римского мирового владычества» (стр. 168). Таким образом, у Энгельса мы везде видим ясно выраженное представление о процессе развития, который в конечном счете приводит к падению империи. Если же прилагать эту характеристику ко всей империи в целом с самого начала, то легко могут стереться отличия в состоянии всего римского государства или его частей в различные периоды, и у читателя может получиться впечатление неподвижного, неизменно существовавшего в течение веков огромного целого. Вся история империи в этом случае будет рассматриваться лишь с точки зрения упадка. Если А. Б. Ранович и прав, утверждая (стр. 31), что самое установление империи являлось началом конца рабовладельческого строя, то это правильно лишь в самом общем смысле, в аспекте всего последующего развития. Но и в рамках эпохи империи все же следует отличать периоды временного подъема и упадка. В изложении автора история провинций принимает, пожалуй, чересчур монотонный характер. Включение Египта

¹ См. А. В а л л о н. История рабства в античном мире, Госполитиздат, 1941, стр. 587, см., в частности, стр. 609 сл.

² Ф. Э н г е л ь с. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1948, стр. 167 сл.

в рамки империи сделало его одной из самых отсталых стран (стр. 208). В Египте «жестко работал налоговый аппарат» (стр. 195). «Для взыскания налогов и сборов был создан чудовищный бюрократический аппарат» (там же). Римляне практиковали там политику репрессий и жестокого гнета (стр. 203). Военная сила, налоговый пресс, налоговый аппарат действовали разрушительно в Киренаике (сводя все к одному уровню) (стр. 214). Военная власть, налоговый пресс, судебный аппарат действовали и в Вифинии и Понте (стр. 84). «Нивелирующая сила Рима сказывалась в Сирии, как и в других провинциях. Римский налоговый аппарат действовал в Сирии разлагающим образом, уничтожая местные привилегии, основанные на старинных традициях» (стр. 139). «Налоги взыскивались со всей беспощадностью римского фискального аппарата» (стр. 153). В Ликии и Памфилии «сказывалась нивелирующая сила империи, разрушавшая старый жизненный уклад» (стр. 94). Аналогичные формулировки встречаются и в отношении к другим провинциям. Из приведенных выдержек и других мест видно, что большую часть данные источников рассматриваются в свете идеи о нивелировании и жесточайшей эксплуатации масс трудящихся империи.

Автор в своем заключении (стр. 251) отмечает, как разнообразны были пути, по которым шло «объединение... стран и народов». Однако в его изложении гораздо сильнее, чем это разнообразие, выступают сходные черты в развитии восточных провинций, которые с некоторыми замедлениями или вариантами идут по одному и тому же пути, подчиняясь нивелирующей силе империи. А. Б. Ранович считает, что не столько падение, сколько самое существование империи в течение 500 лет требует объяснения (стр. 32), и это существование рассматривается, в основном, как болезненный процесс разложения, который принес трудящимся неисчислимые страдания (стр. 33).

Менее выступает другая сторона развития: оживление экономической жизни, несомненные достижения Рима в области техники, строительства, развития обмена, распространения греко-римской культуры и пр. Притом едва ли возможно причины упадка сводить целиком к римской экономической и социальной политике. Автор полагает, например, что «обнищание непосредственных производителей в Египте вызывалось не стихийными бедствиями, истощением земли или ухудшением условий орошения, а исключительно экономической политикой римских правителей» (стр. 190). Причины упадка, однако, коренились глубже и были связаны с общим ходом экономического развития, а не только с политикой Рима. В целом, если нельзя говорить о «заре освобождения» для провинций с установлением империи, то и в картине, нарисованной А. Б. Рановичем, краски несколько стусены.

Выше уже было отмечено как достоинство книги включение в характеристики провинций сведений по истории их культуры. Заключительные страницы каждой главы после обстоятельного ознакомления читателя с социально-экономическим строем и административными порядками в провинции характеризуют отдельные стороны идеологического развития. Автор показывает соответствующие явления в историческом контексте, в тесной связи с изложенными ранее фактами. Однако остается не совсем ясной задача, которую при этом ставил перед собой автор: хотел ли он лишь выяснить, как в идеологии провинциального населения отражался протест против римского господства, чаяния освобождения от него, надежды и искания лучшей доли, или же он стремился дать общую картину культурной жизни провинции. Глава об Азии заканчивается рассмотрением идеологической оппозиции Риму, и в этой связи автор пишет об «Откровении Иоанна», ереси монтанистов, пророческой и апокалиптической литературе (стр. 67—69). Литературные памятники, связанные с Вифинией и Понтом (письма Плиния Младшего, речи Диона Хризостома, «Александр, или лжепророк» Лукриана), также искусно использованы для показа классовой борьбы и настроений провинциального населения (стр. 81 сл.). Но уже по отношению к Ликии и Киликии даны общие характеристики их культуры (философии и религии). Еще подробнее автор освещает элементы сирийской культуры. С другой стороны, черты культурного развития римского Египта отмечены лишь в немногих словах и несколько односторонне, так как мало выяснено значение Александрии как научного центра. Совсем недостаточно сказано об идейной жизни Кападокии.

В целом сведения по культурной истории восточных провинций и замечания автора, впрочем, часто меткие и глубокие, имеют слишком беглый характер. Между тем эта сторона в истории провинций представляется исключительно интересной. Уже Ешевский (Соч., т. I, стр. 133) писал, что «под внешними формами греческой или римской жизни коренились прежние племенные начала, они воздействовали на самый характер греческой и римской образованности, ими принятой, придавая ему свои племенные особенности». В частности он обращал внимание на культурное значение некоторых областей Малой Азии (Мизии, Карики, Лидии и части Фригии). Эту идею устойчивости старинных культур восточных областей разделяет и автор рецензируемого труда, но было бы желательно рассмотреть соответствующие явления в более широком аспекте: проблема развития местных культур не может быть разрешена без рассмотрения процесса эллинизации и романизации, без надлежащего выяснения содержания этих понятий. Иначе говоря, и в области культурной истории нельзя изучать достаточно полно часть вне целого: для понимания явлений, происходивших в одной из провинций, необходимо показать связь этих явлений с общими тенденциями культурного развития империи.

Очень интересным и важным является вопрос о намечающемся разделении Востока и Запада. Автор говорит во введении о том значении, которое с этой точки зрения имеет изучение восточных провинций. «Не только история Восточной Римской империи, а затем Византии, но и история средневекового Ближнего Востока, Иранской и арабской культуры не могут быть поняты до конца без учета тех условий, в которых протекала история Востока в составе Римской империи» (стр. 33). Поэтому у читателя, естественно, возникает вопрос о том, что именно в этих условиях должно быть отмечено в этом отношении. Конечно, детально невозможно было осветить этот вопрос, но известные указания на обособление Востока и Запада и на преемственность последующего развития, уже в рамках истории Византии, были бы необходимы. Однако лишь на последней странице (стр. 262) автор говорит о том, что кризис III в. сравнительно мало задел восточные провинции, в которых сохранились торговые связи с культурными странами Востока и для которых Северное и Восточное Причерноморье продолжало оставаться источником сырья, рынком сбыта и в некоторой степени оплотом против варварских нашествий. Это замечание интересно, но одного его недостаточно.

Автор прав, считая проблему различия исторических судеб Востока и Запада Римской империи предметом специального исследования, но все же важно было и в обзоре восточных провинций выделить хотя бы некоторые черты, существенные в этом отношении. Нам кажется, это возможно было сделать при более углубленном изучении структуры общества на Востоке и при большем учете того колоссального запаса традиций, учреждений, обычаев и понятий, которые составляли старинное и прочное достояние восточных провинций. Ведь не только в области обмена, но и в сфере производства (сельского хозяйства и ремесла) многое в Восточной Римской империи идет от ранней эпохи. В этой связи хорошо было бы возможно полнее выяснить в намечающемся уже в I—III вв. развитии крупного землевладения, в элементах колоната и положении свободного крестьянства сходство или различие с последующими институтами. Самая терминология иногда наводит на мысль о возможной связи предшествующего с последующим «...иногда,— говорится на стр. 139,— в качестве административного центра и местопребывания гарнизона выделялась крупная деревня, получавшая название *μυτροχωρία*». Вспоминается позднейшая *μυτροχωρία*, о которой сообщают кодексы. Главное, чего ожидает читатель, это того, чтобы были указаны основные черты в развитии восточных провинций. Однако автор преимущественно говорит об общих закономерностях истории Римской империи, и поэтому первый вопрос остается без ответа.

В книге не раз упоминается о христианстве как отражении в сознании всеобщего уравнения населения, к которому привело римское господство (стр. 250). Но христианство не являлось какой-то неизменной системой взглядов: перед нами процесс развития религиозных верований, в котором огромную роль сыграл Восток, и если автором взяты были рамки трех первых веков, то необходимо было показать, какое значение имели этот процесс и возникновение церковной организации в жизни восточных провинций.

Автор часто говорит о военной силе Рима, о которой упоминается наряду с налоговым прессом, судом и пр., но содержание этого понятия редко раскрывается и раскрывается далеко не в той полноте и значении, которых оно заслуживает. Вопрос об армии затрагивается почти исключительно с той точки зрения, что она являлась бичом населения. «Жестоким бичом населения (в провинции Азия) были военные постой» (стр. 53). «Жалобы на произвол солдат — один из лейтмотивов в прошениях населения» (стр. 54). «Немало притесненных чинили провинциалам расквартированные в провинции и проходившие через нее войска, фуражиры, сборщики налогов», — отмечает автор для Вифинии (стр. 76). Жители Кипра стремились облегчить тяжесть постоев. Помимо этого в главе о Фракии указывается на заботы римлян о военных дорогах и на то, что они высоко ценили военные качества фракийцев, а в главе о Каппадокии, в связи с вопросом о разложении примитивных отношений, автор замечает: «Известную роль здесь могло сыграть, наряду с развитием сети дорог, привлечение местного населения к службе во вспомогательных войсках, и, быть может, даже в легионах» (стр. 122). Но это лишь беглые замечания, касающиеся чрезвычайно существенного вопроса. Известно, какое место занимала армия, ее состав, организация, отношение к населению, идеология не только в политической жизни империи, но и в жизни отдельных провинций. Изучение соответствующих материалов по некоторым провинциям, например, Римской Африке и Египту, дало ценные результаты. Состав легионов провинциализируется очень рано. В Египте уже при Августе или Тиберии легионы в основном имеют восточный в этническом отношении состав. По известной надписи из Копта (CIL, 6627) в состав войск в Египте входили 50% из Галатии, 25% из Египта, 9% из Сирии, по 2% из Вифинии, Кипра, Кирены и 9% с Запада. Так же дело обстояло и в Сирии¹. Какое значение для провинциалов с Востока имела служба во флоте или армии, прекрасно показывают письма Апиона с их неподдельной искренностью и наивным самодовольством. Точно так же нельзя обойти и вопроса о культах в легионах; роль в процессе их распространения религиозных верований весьма велика.

В обзоре восточных провинций нельзя было, нам кажется, не остановиться и на особенностях положения в пограничной полосе. Если нет нужды, как это сделал Моммзен в свое время в IX гл. V тома «Римской истории», включать целые очерки истории и устройства восточных государств, например, Парфии, и подробно излагать политику Рима на Востоке со всеми войнами и дипломатическими переговорами, то все же данные о линии укреплений по Евфрату, о лимесе в Сирии, о военном значении Пальмиры и Дура-Эвропос, о связях Рима с Северным Причерноморьем, Закавказьем и Азербайджаном важны для понимания обстановки в восточных провинциях.

Работа А. Б. Рановича написана, как указывалось выше, доступно, и содержание ее воспринимается сравнительно легко. Однако ввиду характера темы и способа ее разработки, который мы находим в ней, совершенно необходимо было приложить карты и индексы, отсутствие которых составляет существенный недостаток издания. При том количестве фактов, терминов, названий и пр., которые имеются в книге, отсутствие указателей затрудняет ее использование.

При разработке такой темы, как «Восточные провинции Римской империи», не удивительно, что не на все свои запросы читатель найдет достаточно полные и убедительные ответы в работе. Большая заслуга автора заключается в том, что он свое изложение построил на твердой основе тщательного изучения разнообразных источников по истории восточных провинций, что он дал ясную, хотя и несколько упрощающую всю сложность исторического процесса, концепцию, подвел итог тому, что сделано в науке по изучению данной проблемы, критически относясь к выводам буржуазных исследователей. Книга А. Б. Рановича, несомненно, не только окажется очень полезной в педагогической практике, но и явится таким трудом, без которого не сможет обойтись ни один советский историк, работающий над проблемами истории Римской империи.

К. К. Зельин

¹ См. Wilcken, Grundzüge und Chrestomathie der Papyrskunde, I, 1, стр. 394.